

18+ Андрей Заленский

A black and white photograph of a couple embracing on a path in a forest. The path is lined with trees, and the scene is captured in a soft, natural light. The couple is positioned in the middle ground, facing each other and hugging. The background shows a dense forest with sunlight filtering through the leaves.

СТИХОТВОРЕНИЯ
РАЗНЫХ ЛЕТ

Андрей Заленский
Стихотворения разных лет

«Издательские решения»

Заленский А.

Стихотворения разных лет / А. Заленский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-514236-8

Стихотворения, собранные в этот сборник, писались в России и Америке, при социализме и капитализме, на четырех берегах Атлантического и Тихого океанов. И я, автор — то ли физик или биолог, то ли прозаик и поэт — кто я, не пойму уже много лет. А может быть, ответ уже давно нашел: «Нет лучше зеркала, чем женское лицо, когда оно проснется. И однажды, взглянув в него, ты покраснеешь дважды, как будто бы проснулся сам». Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-514236-8

© Заленский А.
© Издательские решения

Содержание

Совсем раннее	6
«Желтый купол Исакия желтым листом...»	6
«Дождь махнул из неба лейки...»	7
«Мы – две стены...»	8
«Венок из одуванчиков оденьте мне на сцену...»	9
«Хочу женщину...»	10
«Вам, Гончарова, посвящаю этот стих...»	11
Венок сонетов	12
Борису Козлову	17
«Мои стихи в прощальный вечер...»	19
Ресторанное	20
«Колокол Свободы...»	21
Михаилу Каплану	22
Весна	23
«Стихи надоедливы словно птицы...»	24
«Чудо, если не чудо...»	25
«Я могу сосчитать до тысячи...»	26
Борису Хвостовскому	27
«Собаки лают...»	28
Вступление к неоконченной поэме «Крест»	29
«Отвори мне Спас на Крови...»	31
Камерная поэма с уличными песнями	32
Стихи одного дня	33
Озеру Неро, что под Ростовом	37
«Еду на лошадке...»	38
«По-над морем...»	39
Три стихотворения о вечности	40
«Пустые качели ветер качает...»	41
Середина	42
Перевоплощения	42
«Копит время вещи...»	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Стихотворения разных лет

Андрей Заленский

© Андрей Заленский, 2020

ISBN 978-5-0051-4236-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Совсем раннее Стихи 60-х—70-х

*...предстояли расставанья,
присыхали по губам,
гладью, гладью вышиванье
сном предназначалось нам*

«Желтый купол Исакия желтым листом...»

Желтый купол Исакия желтым листом
проплывает по ряби под гнутым мостом,
бьется хрупким зрачком в сине-красный гранит,
солнце зеркалом в сонные окна гранит.
Ветром слутые шпиди шуршат в сапогах,
крутит клубом истертый в панелях их прах,
по подземным каналам сливает в Залив
и свинцовый всегда – желтизной он залит.
Золотистая зелень утопит меня,
задыхаюсь от охры осеннего дня,
засыпают дома сумасшедшие клены,
крыши гнут, стены к улицам клонят,
встали мертвой змеею на рельсах трамваи,
постовой на углу желтым снегом завален,
Город рвется, сиренами режет воздух,
Город болен желтухой!
Последний мой возглас:
– Мертв. Агония кончилась.

1964

«Дождь махнул из неба лейки...»

Дождь махнул из неба лейки
через сито, через сито,
улиц мокрые линейки,
и Нева дождями сыта,
дождь как бисер, дождь как бисер
быстро, больно бьет по стеклам,
за собой грозу на бисы
туча тащит в небе блеклом,
мотоциклисты по асфальту
– скользко, мокро,
очищенные от фальши,
афиши мокнут.

1960

«Мы – две стены...»

Мы – две стены,
колени угол сжал
в сцепленья вен.
По мне ползет сверчок,
щекочет
картинки кожи,
но не трещит.
Все сумрак.
И множество других
каких-то насекомых,
мне незнакомых
ползет еще.
Тебя не вижу,
ты за углом,
а я смотрю вперед
на зеркало стены,
в себя,
и думаю, что ты бела
как потолок,
которого не вижу, впрочем, тоже.

«Венок из одуванчиков оденьте мне на сцену...»

Венок из одуванчиков оденьте мне на сцену,
чтоб в желтом быть – ведь желтый цвет измены,
и дайте маску мне повеселее,
вдохните мне слова нежней елея,
налейте кубок мне,
кольцо туда швырните
– сквозь зубы пусть вина цедятся нити...
Но только лишь кольцо губами я задену
венки из одуванчиков падет на сцену.

«Хочу женщину...»

Хочу женщину,
хочу женщину,
не обычную, а уменьшенную
до размеров нормальной женщины
– с профилем как у сарая,
немного прогнившим
таким же ласковым,
с волосами такими же мягкими
как щетина свиньи
и такими же длинными,
с голосом как у дикторши,
и ростом с нормальную женщину,
только чуть-чуть уменьшенную.

«Вам, Гончарова, посвящаю этот стих...»

Вам, Гончарова, посвящаю этот стих,
писать легко, Вы так прекрасны,
Ваш профиль нежно-беспристрастный
зовет слова и подгоняет их...
Но поздно кукольного сердца
свинец почувствован в груди
– снег вверх летит и впереди
дорога крестит иноверца.

Венок сонетов (или упражнение в словоблудии)

**Во мне хватило б благородства
Чтоб схимником прожить хоть год
И год вперед прогнать как плот,
Неся вперед щитом юродство.
Соткать могу я вдохновенья
Тебе в несотканный ковер,
Но скажешь ты, что я лишь вор,
Укравший в вечности мгновенье.
Рукопожатьем бытия
В мужском тепле обласкан буду,
Но стынет в огневище блюдо,
Остыну, может быть, и я,
Остынет мир в твоих причудах,
И, не свершившись, канет чудо.**

1

**Во мне хватило б благородства
Смолой залить огонь желаний
И в омут сонный кинуть род свой
И убежать с усмешкой лани.
Пусть влажность губ перед рассветом
В пыли останется раздетой.
Не веришь ты – покину свет я,
Не засмеются только дети.
Соперников в любовной брани
Найдешь в людской ячейке сот,
А мне оставь лишь ожиданье,
Чтоб схимником прожить хоть год.**

2

**Чтоб схимником прожить хоть год
Мне мужества набраться стало
И тысячей кровавых од
Прокаплет в Вечность год устало.
Пусть рубищ вшивые холсты,
Усмешек сальных пусть плотина,
За мной лишь Вечность, Верность, Ты
И лжи, и проповедей тина.
Плесни весенних соков мощность
В пещеры где отшельник крот,
Чтоб было силы склеить мощи
И год вперед прогнать как плот.**

3

И год вперед прогнать как плот
Сквозь ветры, сквозь кочевий стрелы,
Толпа грохочет – он урод,
Друзей молчат немые Стеллы.
Животный яд безверья стих,
Оставленный за руслем лодки,
И по воде струится стих,
Сгибая камышинки, четкий.
Спалю природы первородство,
Прорвусь к тебе через заслоны
Привычек тех, что в сонность клонят,
Неся вперед щитом юродство.

4

Неся вперед щитом уродство
Иду к друзьям сквозь галок гам.
Я знаю – щит болезнь роста,
Но как еще не дать врагам
Топтать ту детскую невинность,
Что мне дает и гнев и боль,
Асфальт, растекшийся под ливнем,
И на губах обмана соль?
Ослиное упрямство детства,
Каноны неповиновенья...
Я спас от них свое наследство
— **соткать могу я вдохновенья.**

5

Соткать могу я вдохновенья.
Кому вручить бесценный груз
– Толпе, меняющей стремленья?
– Тебе? «Возьми клубок из уз»?
Под небом, согнутым как ящик,
Кому отдать свои заветы,
Чтоб в одиночестве звенящем
Услышать звон лавровых веток?
Так пусть же мне позор тщеславья
(обычный для конюшни сор)
Поможет сплесть в тысячесловье
Тебе недотканный ковер.

6

Тебе недотканный ковер
Сплести из Ленинградской грусти
И бахрому из нитей вер,
Вдоль полотна, что гнется в хрусте,
Узор – из человеческих глаз,
Кайму из утренних туманов,
А в центре рваный черный лаз,
Который пусть тоску заманит.
Пусть листьев, сохнувших орнамент

На том ковре излишний сор,
Который прошуршит под нами...
Но скажешь ты, что я лишь вор.

7

Но скажешь ты, что я лишь вор,
Укравший и пропивший Вечность,
Что слов моих сплетенных хор
бессмысленная быстротечность!
И сразу предо мной шаги
Сапог армейских, дамских каблуков
Зовут – вперед, ко мне, сюда, солги
Под шаг и ритм подков.
Я отряхнусь и тут же как укор
За немужское это поведение
Ты скажешь, что я просто вор
Укравший в вечности мгновенье.

8

Укравши в вечности мгновенье,
Ты заскочил на пьедестал,
Прорвавшись сквозь свои сомненья,
Подпрыгнул, умер, встал.
Ты вырвал перышко жар-птицы
– Иван-дурак, Иван-герой,
Оплеванный своей столицей
Ползешь как муравьиный рой.
Не ври, ты счастлив был отчасти
– друзья, хмель пития...
Все то, что звали мы в несчастье
Рукопожатьем бытия.

9

Рукопожатьем бытия
Могу помочь больным.
Ведь сам такой и я.
Развеять в солнце дым,
Оплетший тех людей
чьи мысли – зверь в тисках,
развеять мглу идей
и перерезать страх.
А кто-нибудь в награду и ответ
Поставит Дружбы бронзового Будду,
Исполнится лекарственный завет
— **в мужском тепле обласкан буду.**

10

В мужском тепле обласкан буду,
И вспомнив свой из детства смех,
Отдам тому кто просит – в ссуду,
Чтоб ссуду ж получить от всех.

Так не жалея, что мало выпить,
Подбрось-ка лучше дров в камин...
Как хорошо – я будто вытек
Из жавших столько лет стремнин,
Несусь, ломаюсь в брызги пены,
А Вечер льет свою полуду,
Литавры – в руки, звуки – в стены...
Но стынет в огневище блюдо.

11

Но стынет в огневище блюдо
С густым вином. И снова крах.
У ног осталась пепла гряда —
Улыбки, ссоры, ревность, страх,
Дожди, вокзалы, мостовые
В них снова путаться и ждать,
Когда настанет время выю
Тянуть, и взгляда жадно ждать.
Парады, митинги, собрания...
И в хор со всеми вопия
На этом славном поле брани
Остыну может быть и я.

12

Остыну может быть и я,
Хлебнув зрачком вечерний воздух,
Уснув, вдаль стременем звеня.
И щелкнут сухожилий вожжи
Подняв всклокоченных коней
Над Невским водяным барьером,
Корзиной мокрых простыней
Мелькнут внизу дома и скверы.
Конец. Застынет тонко звук
В опять неконченных прелюдах...
Замкнув так надоевший круг
Остынет мир в твоих причудах.

13

Остынет мир в твоих причудах,
В других родится, блудный сын,
Создание божеского блуда
– Воспрянь, зажгись, и вновь остынь.
И снова потечет обычно
Нева, мой каждодневный Стикс,
Мосты поднимут шеи бычьи,
И кто-то мой напишет стих,
И мир продаст себя другим
Коварный опытный Иуда,
Пропев крестьясь последний гимн.
И не свершившись канет чудо.

1967

Борису Козлову

1

Когда однажды утром
ты увидишь,
что голубее небо
чем на самом деле есть
– проснись.
Ты слышишь,
лики плачут,
ты видишь,
что ржавеет жесть
распятий,
что спятил мир,
забыв
про вонь,
про лесть,
про смерть.
Встань
– чувствуешь,
ты чувствуешь
– под нами твердь.

2

И вот опять ты посетил сей город,
где каждый рак в Расстрельевской норе,
где лебедь без крыла,
где щука тянет в гору...
– Мой дом и ныне там,
он для тебя открыт,
как горлышко для пробки,
коль пробка от вина
(а в этом я уверен)
– Попьем его сполна!

3

«но я ведь так люблю Россию»

Прости, Старик,
опять не по дороге,
прости, старик,
я так к тебе привык,
прости, старик
– но я люблю пироги,
мне непонятен ваш язык,

мне непонятны ваши нравы,
так странно пахнут ваши травы,
так страшен ваш оркестр бравый,
так неприятны те, кто правы
– Прости, старик,
пойми меня, Старик.

4

Оставь себе себя частицу,
внутри повернув – пройди насквозь,
нам стоит иногда поститься,
мотая сталь удил на ось,
чтобы однажды раскрутиться
да так, как Вам не довелось.

«Мои стихи в прощальный вечер...»

Мои стихи в прощальный вечер
забыты будут как назло
и ветер, беспощадный ветер,
их вербой выпушит в окно,
чернила располощет дождик,
в снег кляксы выбелит зима
и перечеркнутые дрожью
на строчках скрючатся слова.

Ресторанное

В ресторане девственные скатерти,
покатайте хлебом – скатите
из хлеба смех.
Завернуть бы в эти скатерти всех,
чтобы в саванах по площади – в марш,
чтобы ноженьки как лошади мах,
по проспектам чтоб галопом – в строй,
мостовые чтоб полопались как в зной...
Что-то в ресторане тихо,
блажь
– ты отрежь кусочек хлеба,
маслом смажь.

«Колокол Свободы...»

«Колокол Свободы»
сломали уроды,
сломали,
расплавил на металл.
«Колокол Свободы»
в крапив огороды
забросили,
спрятали,
а я искал.
«Колокол Свободы»
ищут народы,
а колокол свободы
звенеть устал.

Михаилу Каплану

1

Белокурая бестия,
бражные сны,
неужели все бестолку,
бестолку, слы...
Неужели все по ветру,
по ветру, по...
Мнишь березовость поутра,
бирюзовый запой.
Мне – хмельные закосины
порыжевших домов,
вскрик испуганной Осени
– Снись, я сплю, я готов.

2

Грешим как можем в этом мире.
Кровать преуподобив лире
– пружиной музыку творим,
с утра похмелием горим,
и с думой сладкой о кефире
виолончелью говорим.

Весна

Растаял снег, что был тобой целован,
он растворился, высох, он разочарован,
что больше он не может повториться
в губах как форме.
Только лишь присниться
ему осталось,
и я к нему испытываю жалость
такую как к себе
– Леплю веселье, в ком толкаясь,
и не жалею, и не каюсь.

«Стихи надоедливы словно птицы...»

Стихи надоедливы словно птицы,
стряхивающие шапки снегов,
и вспыхивают, вспыхивают зарницы
еще не рожденных страниц стихов
– в вечер, в слякотный город,
в подворотни, пахнувшие темнотой,
как женские руки струятся за ворот
дождь и стихи, дождевой теснотой.

«Чудо, если не чудо...»

Чудо, если не чудо,
то что же,
вверх помогает секундам бежать?
– Вниз мы скользим,
задержаться не можем,
стоит лишь руки разжать,
выронить серп,
помогающий ложе
в поросли времени жать.

«Я могу сосчитать до тысячи...»

Я могу сосчитать до тысячи,
а попросите – до десяти,
я могу вероятность вычислить
вероятно точно, почти.
Знаю десять фамилий Великих,
десять тысяч фамилий безликих,
знаю восемь своих врагов,
знаю тысячу дураков.
Знаю восемь в квадрате и в кубе,
знаю важность событий на Кубе,
знаю крошку терцин и сонетов,
знаю двадцать на П поэтов...
А сейчас вот открыл книжку
и наткнулся на эту мыслишку:
«Лис знает много,
Еж – одно, но важное»¹

¹ *Архилох, VII век до н. э.*

Борису Хвостовскому

Горит планета Марс и смерти нет.
И листьев нет зеленых.
И кленов нет в аллее кленов.
И нет дубов в аллее из дубов.
И из сосновых досок нет гробов.

1968

«Собаки лают...»

Собаки лают.
Ветер носит
слова, не сказанные вслух.
Как слово в слове
вещь в вопросе,
как мир,
как яблоко,
как дух,
как ночь в седле,
как Бес на стуле,
как слезы девичьи смолы...
Какого ж черта вы заснули,
Вы – «всадники без головы».

Вступление к неоконченной поэме «Крест»

Я распят на сосне,
я во сне,
пять гвоздей пригвоздили меня к ветвям,
прядь волос,
подчиняясь неверным ветрам,
будит боль беспокойно во мне,
пядь земли,
что в крови у корней,
цирковой присыпает песок,
и висок,
поцелуев твоих не больней,
гладит, огненный в солнце, коры завиток.
Я палим
твоим солнцем российским земля,
как поля
я измучен твоею жарой,
это мой
слезный плач на твоих ветвях
застывает янтарной смолой.
Но лишь ночь,
над равниной лесов
крылья сов
пронесут мой оранжевый крест,
и окрест
тех озер и лугов
кто услышит стенающий треск
– это я,
не пугайся во сне,
это я,
я распят на сосне.

Протягновенье твоих рук
здесь так близко, Полярный Круг
– в моренной россыпи домов,
в валунной глади куполов,
в свинцовых сполохах воды
и в окнах сколами слюды
– везде, во всем твои следы.
Ты ничего не пощадил
– ни плоской тундры площадей,
ни треск распиленных домов,
ни скрежет согнутых углов
– пируй же, Север, свой улов,
пируй, сияньями играй,
но на судьбу не уповай,

как я, как он, мой старый друг,
ведь без судьбы мы как без рук
и как без женских губ мужа...
– Ты видишь, Север, это я,
Я, житель сумрачных столиц,
дождей, каналов, странных лиц,
туманов, мокрых мостовых,
ночей нечерных, постовых,
мостков согбренных, тупиков,
канализации подков,
простертых пред панелью ниц...
Так знай же, Север, я – столиц.
Смотри за мной, лови, беги.
Ты слышишь гулкие шаги?
– Я вышел, начали...

Снова ночь.
Чуть заметно целует волна.
Тишина.
Ветер гонит оранжевый крест,
и окрест
проплывает чужая страна,
приведеньями узнанных мест:
колокольни обрубленной звон,
вонь
истоптанных в кашу дорог,
рог
неполной луны освещает порог
у часовни с разбитым окном,
гном Печерских лесов,
пропитой старикан,
вечно палит седую тайгу,
жгут костры по крутым берегам
рыбаки,
ждут мужей, заблудившихся в чайных,
платки,
ткет дырявое кружево бабка слепая,
чайка кружит у снежной границы припая,
Псков не гнется под кованой сбруей тевтонов,
Китеж вечно всплывает и вечно же тонет,
отражает Ростов предзакатное Неро,
звон венчает Покров с синеглазою Нерлью...

1965

«Отвори мне Спас на Крови...»

Отвори мне Спас на Крови
куполами в звездное небо,
не таись, не молчи – говори
– был ли я или не был,
был ли снег под ладонями чист,
иней таял как губы в губах,
купола эти звездные чьи?
Или все на верблюжьих горбах
уплыло в минаретную даль,
словно Севера снежистый дар
тем садам, где цветами миндаль?

Камерная поэма с уличными песнями (Отрывок)

Говорят, что солнце на Востоке всходит
– у меня оно восходит в щели переулка
и по чердакам еще долго и сонно бродит,
прежде чем сквозь крыши прорваться гулко.
Говорят, что за Весной приходит лето
– у меня за Весной приходят разлуки,
и когда зеленеет кружево веток
размыкаются нежные твои руки.
Говорят, что за несчастьем приходит счастье
– у меня за несчастьем приходит усталость,
разбивает все собранное на части,
просыпает сквозь пальцы все что осталось.
Все что осталось – сквозь пальцы.

18 декабря 1964

Стихи одного дня Ленинград, июль 1964

Наташе Горловой

1

Дождь тронул город,
ожиданья впереди по крайней мере день.
Петлею захлестнувши ворот,
пора его начать,
пожалуй, с сигареты.

2

Закрыв глаза,
как перепутав стекла,
я погружаюсь снова в странный мир,
где ниточкой разматывая кокон
кружит паук
и ждет гостей:
– позвольте крылышко,
кусочек мягкой ножки,
вот вилочки,
вот для десерта ложки
– он ждет гостей на пир.
Открыв глаза,
как повернув бинокль,
я выплываю —
город тронул дождь,
в пустом саду пруда монокль
морщит дрожь.

3

Горело дерево в саду,
горело дерево, горело,
и листья, медленно и бело,
как перья,
падали к пруду.

4

На бульваре, где «ЛЕТО»²
подойдет алкоголик
и предложит билеты
на кино, «где до коллик смеяться охота»
– знаменитейший комик
мой приятель из «ЛЕТА».

² Кафе «Лето» на бульваре Софьи Перовской, Ленинград.

Фиолетовый столик
непонятного цвета,
а по столику слоник
между стопками бродит,
достаёт хоботком
из карманов бутылки,
а потом лепестком
наклоняет затылки...
Те, кто хочет увидеть
начало творенья,
приходите за столик
с бутылкой варенья.

5

Дождь тронул город,
день пришел
в деревьях масляного цвета
в саду,
в бульваре там, где «ЛЕТО»,
один лишь только час прошел.

6

В который раз, в который день,
в который час...
Который
несется разъяренной сворой,
которой лень свернуть,
и для которой, как для меня, проложен путь
до вечера, до страха темноты,
до вечера последней хрипоты,
до вечера с боязнью немоты,
до вечера,
до вечера, где ты.

7

Гроза смела Июль,
очистив пыль от листьев,
и смыла пух,
а я хотел его поджечь.
К тому же спички мокры,
и кончился рабочий день,
и много посторонних глаз косит.
Придется ждать до следующего года,
или в другой умчаться город,
где нет дождя, и пух еще лежит.

8

Налей-ка рюмочку,
хлебнем за простачка
согретого в ладошке коньячка,

и за Алису, что, быть может, Лис,
и за танцовщицу, чья ножка из кулис
– поднимем рюмочку и опрокинем вниз.

9

По крыше дождь шумит приятно,
пройду по мокрой до угла,
а после поверну обратно,
к окошку и, глотнув тепла,
нырну в колодезь
– звезды рыбой,
червями в вареве кишат...
– Жилец Заленский?
Он ведь выбыл,
а переводы все спешат...
Но если не пойти обратно,
и просто, заказав такси,
поехать к свадьбе,
то приятно там время можно провести
– ходить по крышам, падать в окна,
стрелять из лука в черепа,
бутылки бить, роняя стекла,
и в танце с Дамой делать па,
селедку кушать в майонезе,
кружить соседку в полонезе,
сухим вином в плечо дыша...
По крыше дождь стучит приятно,
гвоздями бьет,
– закрой окошко, мой приятель,
и гномик не придет.

10

Мне было скучно,
неужели ты не слышишь:
мне скучно было, скучно, скучно, скучно, скучно.
И снова дождь, и снова телефон молчащий,
и снова комната как ящик,
набитый с верхом слов гудящих,
и плачущих придавлено у двери,
прищемленных, забытых как поверья.

11

Следы капли на стекле
плыли, теряясь беспокойно,
а в ящичке твой бес, покойный,
свой ежедневный ел эклер.
Дождь тронул город на неделю,
засунул голову в петлю.
Мой бес кричит (мели Емеля):

– Люблю тебя, отстань, люблю.

12

О, Господи, какая пустота,
какая пустота повисла
– скучней, постылей, ненавистней,
чем то, что мы назвали простота.

Озеру Неро, что под Ростовом

Озеро Неро.
В озере-невод.
В неводе – рыбка
трепещется зыбко.
А рыбак захмелел и заснул у костра.
У озера – дом.
Из домика – дым.
В доме сноха
«Хи-хи» да «Ха-Ха»,
«будет ужо уха»
похваляется.
А рыбак захмелел и заснул у костра.
Вдоль озера волны
вздымаются вольно,
невод колышет,
рыбка чуть дышит.
А рыбак захмелел и заснул у костра.
На озере Неро
сорвало невод,
дома – сноха
«вот будет ужо уха!»
похваляется.
А рыбак захмелел и заснул у костра
и во сне у костра усмехается.

1964

«Еду на лошадке...»

Еду на лошадке
по дорожке гладкой,
в руке лукошко,
в лукошке – кошка.
Я кошку подружке в подарок привезу
и кошку, и лошадку к крылечку привяжу,
сам к миленькой девчоночке в горенку зайду.
Эх, как бы ветерок да лучинку задул.
Мурлычет кошка, всхрапнет лошака
– будет мне у ласковой
ночеваться сладко.

1964

«По-над морем...»

По-над морем
по-над Белым
в Соловецки острова
между делом,
ратным делом,
нас погода завела.
Там, где чайки,
там, где всплески,
где монасей кутерьма,
мы веслом ударим веским,
ладьи вытащим со дна,
дом поставим,
снасть наладим,
к небу дым завьем грешной,
и со складом,
будто б надо,
жизнь устроим на большой.
Но одним туманным утром,
будь прилив или отлив,
на ладье скрипучей утлой
снова выйдем мы в залив.
И по морю, и по Белу,
с Соловецких островов,
мы уйдем,
забыв про женок,
помня лишь извечный зов.

Три стихотворения о вечности

1

Песочные часы не вечны
– песчинки трутся о стекло,
когда какой-то человечек
перевернет их кверху дном.
Беззвучно сеются минуты,
не застревая ни на миг.
Невечность времени минуйте
и снова поверните их.

2

Часы из солнца
– странная забава,
круг на земле как солнца тень,
исправно, слева или справа,
минуты обегают день.
Но каждый вечер, за закатом,
уходит время до зари
– естественно, земля поката,
а время – вечно, – говори.

3

Чудо,
если не чудо,
то что же
вверх помогает секундам бежать.
Вниз мы летим,
удержаться не можем,
стоит лишь руки разжать,
выронить серп,
помогающий ложе
в поросли времени жать.

1967

«Пустые качели ветер качает...»

Пустые качели ветер качает,
качает пустые.
Я подсмотрел случайно,
как горы меня подсмотрели
как ветер...
Как разговоры меня поймали
пустые качели
– вверх-вниз перевалы,
вверх-вниз настроенья,
потом остановка.
И в то же мгновенье
стена полотном черноглазых узоров
из окон.
И горы.

Ереван 1968

Середина Стихи 70-х—90-х

Перевоплощения

Что со мной?
– Я словно театр,
задник – валуны домов,
и оркестр пешеходов
увертюра в черной яме,
в яме.
Что со мной?
– Я снова театр,
я вместилище актеров,
мимов, грима, акробатов,
газированной воды
и потерянных биноклей.
Вновь оркестр пешеходов
увертюрой в тихой яме,
в яме.
Начинается спектакль.
Жесткий занавес трамвая
обнажает построенья
декораций мышц и жил.
В тесной будочке суфлера
перепутаны слова.
Переполненный автобус
тех, кто хочет прикоснуться
потным декольте партера к рампе,
и оркестр пешеходов
– увертюра в тихой яме,
в яме.

1970

«Копит время вещи...»

Копит время вещи,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.